

На просьбу о встрече приятный мужской голос в трубке ответил сразу: «Буду ждать вас в метро «Площадь Восстания» в семь вечера. Уж не обессудьте, если чуть задержусь: поеду с дачи. Думаю, вы меня узнаете». Он не опоздал, но я не сразу узнал в немолодом, не лишенном шарма прожитых лет мужчине того самого Петруху, который больше тридцати лет на наших экранах помогает красноармейцу Сухову провести через пустыню гарем Черного Абдуллы и погибает от бандитского штыка. Мы вышли из метро, сели под зонтиком уличного кафе, и я включил диктофон.

Дмитрий АНОХИН

Свой среди чужих

Коренной ленинградец Николай Годовиков не задумывался об актерской карьере до тех пор, пока случай не свел его с режиссером Геннадием Полокой. Колин однокурсник по физико-математическому техникуму услышал по радио объявление о наборе на «Ленфильм» ребят в возрасте от 12 до 16 лет и потащил Колю с собой. Как выяснилось, актеры требовались на фильм «Республика ШКИД».

— Запускали нас по семь человек и у каждого спрашивали, кто каким талантом может похвастаться, — рассказывает Николай Львович. — Думал, меня зарубят: рядом со мной стояли ребята из театральной студии, из драмкружка. «Ну а ты чем гордишься, рыжий?» — наконец обращаются ко мне. И тут я вспомнил, что занимался художественным словом. В двенадцать лет даже довел до обморока пионервожатую в лагере. Шел концерт художественной самодеятельности, я читал пионерские стихи, а «на бис» выдал «Ты меня не любишь, не жалеешь...» Зал зашелся в овации, а взрослые побелели: Есенин-то в опале числился... На этот раз читать Есенина я не стал, а Маяковский в моем исполнении прошел «на ура». Столь же успешным оказался второй тур, а потом начались фото- и кинопробы. Меня «вели» на одну из ключевых ролей — Воробья. Нарушив неписаную традицию, Геннадий Иванович Полока даже показал мне мои пробы: «Нравись ли себе?» — «Очень!» — «Считай, Воробей твой!» Но на худсоветы на эту роль утвердили Славу Романова.

— Но в «ШКИДе» вы все же сыграли, хотя в титры и не попали.

— Геннадий Иванович не захотел со мной расстаться и взял в так называемое окружение, которое выполняло роль первых рядов масовки во всем фильме. Дошло то того, что в сцене бала я в одном кадре оказался в двух ипостасях: вальсирующего шкидовца и с завистью смотрящего на праздник из-за ограды беспризорника. Правда, в фильме именно этот кадр не вошел. А Саша Кавалеров в шутку даже пожаловался: что такое, я одну из главных ролей играю, а Годовиков в кадре чаще меня!

— Кавалеров... Это не тот ли парнишка, что исполняет песню Окужавы о каплях датского короля во втором фильме, где вы снимались? «Женя, Женечка и «Катюша»?

— Он самый. Мы, «шкидовцы», до сих пор общаемся: я, Витя Перевалов (Гога), Володя Колесников (Слоеный, который хлебом налево торговал). У Владимира, ставшего профессиональным режиссером, я целых три года отыграл в театре — здесь, на Софийской. Но недавно его сменил ученик Эфроса Михаил Дорофеев, и мне пришлось уйти: не сработались.

Женщина Востока

На пробах «Белого солнца пустыни» Коля со статисткой повторял ставшую впоследствии бессмертной фразу: «Гюльчатай, открой личико!» Вместе с ним пробовался

ПЕТРУХА

Николай Годовиков, сыгравший памятную всем роль в одном из лучших отечественных фильмов, сегодня безработный

Фильм «Белое солнце пустыни» сделал Петруху всесоюзной знаменитостью. Николая Годовикова узнают и сегодня, в 2003-м, что на Тверской, что на Невском

профессиональный актер. Еще до объявления результатов все присутствовавшие, и «соперник» в том числе, поздравляли Годовикова с получением роли.

— Николай Львович, где снималось «Белое солнце»?

— Русские эпизоды — в Луге, а все остальное, не считая павильонных съемок, в Дагестане и Туркмени.

— При работе над такой картиной, да еще в столь экзотических местах, наверняка не обошлось без курьезов и казусов.

— Особо запомнилась одна история, в которой я принял непосредственное участие. На съемках у нас произошла трагедия: погиб солдат из Кавалерийского полка. Для выяснения обстоятельств из подмосковной военной прокуратуры прибыл молодой полковник, и в гостинице его подсадили ко мне. Я сразу понял, что чин, как говорится, решил оторваться. А уж когда он спросил, как тут с девочками, грех было не подшутить. Пообещал я полковнику устроить все тип-топ, а сам к подругам-артистам, игравшим жен Абдуллы: кто, мол, поедет? А они удумали меня самого отправить! Накрасили, намазали, соорудили парик, соломенную шляпу, мама родная бы не узнала! Ну, захожу я в собственный номер, а полковник там уже в полной боеготовности: с вином, закуской, фруктами. «Что это вы пьете?» — томно спрашиваю. — Мне бы чего покрепче». Он миглом летит за коньяком! Жеманничая с ним, заигрываю, наконец понимаю: пора ноги уносить. Говорю своему ухажеру: мне нужно деньги коридорному дать, чтобы нас с вами не побеспокоили — у вас найдутся? Конечно, нашлись! Со всех ног бегу

к девочкам. Они от моего рассказа лежат! Насмеялись вдоволь и приглашают меня в ресторан кутнуть — заработали! Приходим, садимся за столик, трапезничаем, я, как был, в женском наряде. Вдруг с соседнего столика аварцы мне как самой обворожительной даме шампанское шлют. Все, думаю, пора кончать с этим маскарадом. И тут входит Мотыль. Гневно смотрит и произносит единственную фразу: «Коля, я прошу вас выйти отсюда!» Аварцы застыли с раскрытыми ртами, «гарем» тоже притих. А я как ни в чем не бывало встал и, вилля задницей, в своем «карнавальном костюме» направился к выходу. Потом мне передали: Мотыль мою походку как увидел, так и сел, и, не сдерживаясь, стал ржать.

— А полковник?

— Он долго поносил бесчестную проститутку, которая мало что пилагуляла за чужой счет, так еще и «кинула» клиента на деньги. На прощание я ему открылся и купил хороший подарок — как раз на ту самую сумму.

Фильм как пророчество

— Некоторые свидетели съемок «Солнца» утверждают, будто всем было ясно: это финишная работа Луспекаева...

— Блефуют. Дядя Паша держался будь здоров, а смеялся так заразительно — дай Бог многим!

— А сам он догадывался, что последняя черта уже недалеко?

— Теперь мне кажется, что догадывался. Он ведь во многом мне доверял и доверялся. Когда его жена уезжала домой в Питер, всегда просила меня присмотреть за Павлом, и я часто жил с ним в номере. И вот он, бывало, выпьет и так над-

равно начинает спрашивать: ну почему Товстоногов лишил меня стольких ролей? Ведь я, мол, могу, могу, но не успеваю! От обеих ступней у него тогда оставались лишь пятки, и однажды я увидел, чего стоило ему переносить постоянную боль. После особо сложной сцены прозвучала команда «Стоп», и он тихо говорит мне: «Пойдем к воде». Подвел я его к морю, помог снять сапоги. Он опускает ноги в воду, и тут из его глаз ручьями начинают литься слезы. Что значит такая боль, я понял много позднее, когда в колонии меня продержали с заведенными за спину руками в наручниках больше четырех часов (хотя по всем законам это было запрещено). Сначала было больно, потом ощущение притупилось. А вот когда наручники сняли, тут я от шока и вырубился.

После армии Николай не думал о продолжении кинокарьеры, но роли «Петрухе» предлагали с завидной частотой. Годовиков женился, успешно снялся в фильмах «В черных песках», «То далекое лето», «Последний день зимы», а также еще в десятке картин, где он исполнял эпизодические роли. На жизнь не жаловался, хотя с постоянной работой были проблемы. Приходилось вкалывать грузчиком, слесарем, лесорубом. А в 1977 году случилось то, что круто повлияло на всю его последующую жизнь. Годовиков чуть не погиб, причем почти так же, как его самый знаменитый киногерой. Только в жизни, в отличие от фильма, фигурировал не штык, а нож. Сам Николай говорит о том событии скупко: получил серьезное ранение в грудь с повреждением легкого, угодил на операционный стол.

От сумы до тюрьмы

— По-моему, сейчас вся страна уже знает о том, что Петруха стал вором и «мотал срок». А с чего все началось?

— Как назло, мой лечащий хирург сразу после операции ушла в отпуск, а заменивший ее молодой врач решил меня выписать. Разве я тогда знал закон, по которому пролежавшему четыре месяца на койке полагается инвалидность? — Даже много лет спустя Годовиков не может сдержать эмоций. — Пришел в себя, нанимаюсь на работу, а врачи на медкомиссии как увидят мои свищи, так руками и отмахиваются. И тут же участковый ко мне зачастил: почему, мол, тунеядством занимаетесь? Я возьми да бухни: ты что, посадить меня хочешь? Он: да, хочу, меня жаба душит, что ты в отдельной квартире живешь, а я с семьей на 8 метрах обитаю. Дошло до суда. И вляпал мне год по режимной статье, по которой после освобождения три года нельзя прописаться по прежнему адресу. Отсидел, получил направление на Приозерский целлюлозно-бумажный комбинат. В тамошнем отделе кадров говорят: на работу возьмем, но общежитие переполнено, так что снимать угол придется самостоятельно. Нашел жилплощадь, договорился о цене, пошел в милицию. Оттуда направляют в военкомат: мол, без отметки в военном билете прописать не имеем права. А в военкомате заявляют: на учет мы вас, конечно, поставим, но только после того, как пропишетесь. Я почувствовал себя в замкнутом круге, сооруженном системой для того, чтобы вернуть человека за решетку. Помыкался без жилья, а один мент прямо и посоветовал: ты побомжуй маленько и сядешь уже по обычной статье, после которой сможешь прописаться. Но бомжем я стать не мог. И начал воровать...

После второго срока Николай вторично женился, к дочери от первого брака добавился сын. Но наладившаяся было жизнь опять подставила подножку: родители супруги никак не хотели признавать Годовикова родственником и буквально вытолкали из дому. Он опять принялся за старое и заремел на третью ходку — на этот раз на два с половиной года.

— Как к вам относились другие осужденные? Признавали своим?

— В Крестях один из авторитетов никак не мог понять, отчего меня за решетку тянет: говорил, ты же совсем не тюремный человек, зазывать тебе надо! А я и правда до сих пор мата не переносю. После освобождения получил от того человека весточку, и вскоре его знакомые помогли мне устроиться в жизни. Сейчас живу гражданским браком с третьей женой. Несколько лет строил питерское метро, теперь временно безработный. Тяжеловато, но бывало и хуже.

— Николай Львович, жизнь вас поломала не слабо. Вы не хотели бы прожить ее набело?

— Пожалуй, нет. Все-таки светлые минуты у меня тоже были. Сожалею лишь о том, что часто в своей жизни встречал предательство. Еще жаль, что так и не удалось сыграть в театре Хемингуэя, которого долго репетировал. А сейчас я бы с удовольствием сыграл самого себя — нынешнего.

...От соседнего столика к нам подходят молодые ребята и просят «Петруху» на память выпить с ними пива. Он не отказывается, хотя потом признается, что гораздо приятнее ему давать автографы как актеру Годовикову, а не как Петрухе. Потом он уходит, и оставленный Николаем в пепельнице окурок еще долго дымится под негаснущим питерским солнцем. В отличие от пустыни, в Питере белые ночи.

Того бы кто в Шкиде...

19.06.03